

ПО СТОРШКАХ ДОЖОВТНЕВОЇ ПЕРЮДИКИ

К. ШАЙНОХА

Домна-розанда*

Домна-Розанда была самая несчастная сирота в мире — у нее не было отечества. У нее были родители, было блестящее положение в свете, славилась она чрезвычайным богатством, но все это пошло прахом. Она впала в бездну невыразимого горя и сделалась игрушкой судьбы — жертвою многих бед и страданий. Будучи еще отроковицею, она становится предметом кровавого спора между соискателями ее руки, неумышленною виновницей такой кровопролитной войны, какую только знает история; наконец, венценосная невеста унижается до того, что делается против своей воли женою буйного казака.

Но не одна только трагическая судьба Домны-Розанды привлекает к ней наше внимание. Ближайшие сведения о ней особенно интересны нам потому, что споры о ее руке происходили преимущественно на польской земле, лилась кровь благороднейших ее сынов и убийственный погром встревожил польский народ. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что неумышленная виновница стольких народных бедствий известна в истории под чуждым ей именем.

Старинные польские хроники и позднейшие исторические описания именуют героиню нашу Домной, между тем как настоящее ее имя Розанда, к которому у валахов прибавлялся титул «damna», латинское «domina» — княжна. Крестное имя в соединении с почетным титулом обратилось в собственное, и героиня нашего рассказа осталась навсегда в истории под ополоченным именем Домны-Розанды.

Эта злополучная невестка нашего Богдана Хмельницкого, как младшая дочь валашского (молдавского) господаря Василия Лупулы, не могла рассчитывать на унаследование польского престола. С тех пор как земля Валашская подпала под турецкое иго, ни одной фамилии господарей валашских не удалось упрочить престол за своим родом: обыкновенно во втором уже поколении они теряли скипетр, попадали, по султанскому приговору, под топор палача или в неволю, либо скитались изгнанниками.

Сватовство польских господчиков

Когда молдавский господарь Лупул через отправленного в Варшаву посла известил польского короля Владислава о помолвке старшей дочери своей Елены, тогда король в свою очередь отправил посла в Яссы с поздравлением господаря с предстоящим браком. По многим поводам послом назначен был молодой человек Петр Потоцкий, староста смятинский, воевода брацлавский, сын Николая Потоцкого, впоследствии великого гетмана. В выборе посла руководствовались, между прочим, тем соображением, что Потоцкий приходился сродни как Янушу Радзивиллу, так и нареченной его невесте. Правда, что родство между этими домами было слишком далекое, но в те времена даже самая слабая тень родства имела более веса в глазах людей, нежели впоследствии близость двух родных братьев.

Отец брацлавского воеводича, гетман Николай Потоцкий, был родной племянник Стефана Потоцкого, известного во всей польской короне браком с одною из четырех дочерей господаря валашского Иеремии Могилы: по этим родственным связям домов Потоцкий поставлен был в необходи-

мость защищать интересы своих шуринов, потомков Могилы, и поплатился за это заточением в башне Эдикуль, на берегах Черного моря. Вступивший теперь в брак со старшей дочерью Лупулы Радзивилл, несмотря на свои молодые годы, был уже вдовцом. Его первая жена, Мария Потоцкая, с которой он прожил недолго, была дочерью вышесказанного Стефана Потоцкого и Марии, княжны валашской, а стало быть и внукою Могилы, прежнего володаря валашского. Таким образом, Петр Потоцкий находился в родстве с обоими домами новобрачных, и считалось вполне приличным назначить его, предпочтительно перед другими, представителем свадебного посольства.

Была, впрочем, другая, более уважительная причина желать назначения Потоцкого на этот пост. Его родные, в том числе и Януш Радзивилл, думали этим назначением открыть старосте смятынскому доступ к господарскому двору и ввести его в семейный круг господаря валашского. Исполнив представительство короля при бракосочетании старшей господарской дочери, послу можно было заискивать младшую. Внуку Могилы по всему подобало искать себе невесту из того же дома Могилы. У короля Владислава выпросили назначение воеводича в Яссы; но не одно только людское доброжелательство прокладывало ему путь к счастью; и сам он своею наружностью, важностью осанки, личными качествами и рыцарскими доблестями представлял из себя безукоризненного жениха.

Появление воеводича брацлавского в салонах господаря вполне совпало с видами его родни. После официальных визитов королевского посла начались визиты и посещения частные. Господарь и его супруга оказывали полное внимание гостю. Розанда рада была видеть молодого рыцаря из Польши, но она была еще так молода, что не признавалось нужным торопиться решать ее судьбу. Притом нужно было вести дело весьма осторожно, так как Порта вовсе не желала, чтобы дочери господаря выходили замуж за польских панов, а прежде времени распространенные слухи об искательстве воеводича могли уничтожить самое дело. Не дошло еще до нормальной помолвки, а уж во всех знатных домах Польши говорили о предстоящей женитьбе Потоцкого на Домне-Розанде, и слухи эти находили место в газетах французских и немецких.

Между тем неожиданно явился при дворе валашском знатный юноша, которого ни имя, ни личность никому не были известны. Имя, под которым он явился, признавалось всеми вымышленным, и во всех его поступках просвечивала какая-то неразгаданная таинственность. Барич, как было видно по воспитанию и по происхождению, он сразу открыл себе доступ в салоны княжеского дворца, не привыкшего соблюдать строгого этикета в выборе гостей. Таинственный гость по примеру своих предшественников, умевших не раз проникнуть во дворец господарей, успел расположить к себе весь княжеский двор и пользовался полным вниманием князя и его супруги. Юная княжна находила несказанное удовольствие в обществе молодого человека и, как не связанная никакими положительными обещаниями относительно Потоцкого, видимо, склонялась к нему влечением сердца.

Тогда незнакомец перестал таиться и объявил настоящее свое имя. Оно было громко как во всей Волощине, так среди поляков и во всей Руси: то был Дмитрий, князь Вишневецкий, сын королевского хорунжего Януша Вишневецкого, внук по боковой линии князя Михаила, мужа Регины Могилянки, и правнук князя Дмитрия, известного претендента на валашский престол. Род Вишневецких через посредство брака с Региной Могилянкою был кровно связан с господарями, царствовавшими прежде и ныне в Волощине, а смерть князя Дмитрия и Михаила в войне за Волощину, постигшая их вследствие трудов и лишений или в заточении, еще теснее связала род Вишневецких с судьбою Во лощины. При одном имени князя отворялись бы настежь двери всех домов валашских и двери дворца самого господаря Лупулы по преимуществу.

Но удалецу хотелось прежде всего убедиться в силе личных своих достоинств. Словно наперекор воеводичу брацлавскому Петру Потоцкому, который, благодаря протекции короля и родных, обратил на себя внимание в Яссах, князь Дмитрий порешил отбросить в сторону все призанятые ору-

дия и собственными силами добыть себе счастье. Как это зачастую случается, задуманное дело приняло для смельчака вначале весьма счастливый оборот. При известии о его настоящем имени и намерениях относительно княжны Розанды семья господаря сохранила к нему прежние свои доброжелательные отношения. Осмотрительный Лупул продолжал принимать князя в своем доме с прежнею любезностью, предоставляя себе в будущем окончательное решение дела. Искательство воеводича из Потока шло своим чередом, и как прежде, легко распространялись слухи о женитьбе Петра Потоцкого на Розанде, так точно теперь все толковали о браке князя Вишневецкого с Домною-Розандою.

Явился еще из Польши и третий искатель руки княжны валашской. В искателях золотой руки княжны не было недостатка. С разных мест являлись сыновья князей и сенаторов, молодые паны и заурядная шляхта, молодежь и сильно помятые вдовцы. У всех проявились корыстолюбивые поползновения к богатству и приданому из господарской сокровищницы: для одних сокровища эти служили только прикрасою того рыцарского риска, который неразлучно был связан с сватовством, а для других само богатство могло удовлетворить тщеславие. Соперники обыкновенно действовали вдали друг от друга, стараясь сохранить тайну, чтобы на случай неудачи не подвергнуться бесполезной огласке и насмешкам злых и завистливых людей. Часто, однако, соперники неожиданно сталкивались между собой, и тогда между искреннейшими друзьями, между ближайшими родственниками, между почтенными опекунами и молодежью, порученною их попечению, происходили самые забавные столкновения.

Тот же самый князь Януш Радзивилл, вторым браком сочетавшийся с сестрою Розанды, в первый раз (как сказано выше) был женат на дочери Стефана Потоцкого и Марии, дочери господаря из дома Могилы. Хотя дочь воеводы Потоцкого приходилась только внучкою господарю и не была особенно богата, при всем том много было у нее поклонников и искателей руки. Между ними были весьма опасные соперники князю Янушу, так как он был диссидент, последователь учения Кальвина, а невеста — строгая католичка. Для достижения цели необходимо было заручиться протекцией кого-либо из именитых католиков. Такую протекцию оказал князю Янушу родной его дядя Альбрехт Радзивилл, великий канцлер литовский, человек почтенный, довольно преклонных лет, вдовец, известный во всей стране своим умом и притом ревностный католик. Несмотря на различие вероисповедания, члены дома Радзивиллов всегда были готовы поддержать друг друга, когда дело шло об интересах их рода. При такой поддержке канцлера князь Януш не сомневался в счастливом исходе своего сватовства. И действительно, очень счастливо удалось это сватовство переговорами в Варшаве. Набожный дядюшка сообщил влюбленному, племяннику весьма приятные вести о результатах переговоров с матерью невесты. Решено было ускорить дело, и князь-канцлер должен был на другой день утром сделать формальное предложение. Желая проведать об успехе предложения, наш молодой кальвинист побегал на следующий день в костел о. иезуитов в полной уверенности, что застанет там во время утреннего богослужения дядюшку. Но как же был поражен молодой человек, когда услышал от своего благостивого свата слова: «Мой возлюбленный племянник, да будет тебе известно, что вчера я горячо поддерживал тебя и твое предложение. Но сегодня ночью пресвятая Богородица, которой я усердно молился, повелела мне жениться на твоей избранной. Не пеняй на меня, но что Бог мне внушил, тому следовать должен».

Спустя несколько времени, обнаружилось, что князь-канцлер при первом разговоре с матерью невесты предлагал в женихи ее дочери не племянника, а себя лично. Дядюшка и племянник в одинаковой степени соблазнились желанием породниться с домом Могилы. Однако канцлеру не удалось отбить невесту молодого князя. Благодаря участию посторонних лиц, князь Януш после долгих искательств взял верх над богатым дядюшкою и женился на панне Потоцкой. Соискателям таких лет, как был князь-канцлер литовский, оставалось разве искать у менее привлекательных

Могілянок, какою, наприклад, була Анна, тетка невесты Радзивилла, одна из четырех дочерей Иеремии Могилы.

Как Анна, так и все три ее еестры вышли замуж за поляков. На Анне женился один из Пржерембских, Ян-Максимилиан, воевода ленчицкий, сын кастеляна серадского. После смерти своего первого мужа Анна вышла замуж за Яна Сендзизая Чернковского. Когда умер и второй муж, у вдовушки нашелся новый жених, Владислав Мышковский, воевода краковский. Потеряв и этого мужа в 1658 г., Анна вышла за четвертого — Станислава Ревера Потоцкого, великого коронного гетмана. Это была самая блестящая ее партия. Ревер родился в 1579 году, а его нареченная родилась приблизительно в 1608 году. Таким образом, стала пред алтарем весьма почтенных лет чета: восьмидесятилетний жених и невеста с лишком пятидесяти лет. При ярком блеске валашских сокровищ сглаживались морщины на полувековых лицах Могілянок, молодели сердца и дряхлых старцев.

В догонку за молодыми племянниками и свояками спешили с любезностями к дочерям господарей валашских и убежденные сединами дядюшки. Никого это не удивляло, как мы уже видели в приведенном выше примере, когда сватали прежде всего внучку господаря Марию Потоцкую и человек весьма почтенных лет, и его племянник, и сватали несколько раз Анну, — и тем более не поражало теперь никого, когда явились со всех сторон искатели самой молодой и самой богатой из Могілянок — Домны-Розанды, рядом с двумя молодыми искателями ее руки из Потока и Вишневецца выступил третий, самый несчастливый из соперников, человек почтенный по летам и по сану.

Молодые люди в искательстве Розанды сумели сберечь себе жизнь, старец же из-за Розанды сложил свою седую голову.

По современным известиям, несчастным соперником между соискателями руки Розанды был воевода черниговский, польный коронный гетман Мартын Калиновский. Владетель обширных земель в Польше, Покутье и Подолии, Калиновский, как сосед Золощины, находился издавна в тесных с нею сношениях. В эту же Валашскую страну, как в настоящее, так и в прежнее время, устремились его сердечные мечты и желания. Гетман был несколько лет уже вдовцом после смерти жены Елены Корецкой, родной сестры известного князя из Корца по имени Самуил. Князь Самуил был женат на Екатерине, одной из четырех дочерей Иеремии Могилы. Эти княжны несколько раз вдовствовали и вновь выходили замуж. Гетман был в свойстве с Корецким и потому был сродни Иеремии Могиле. Связанный родством с двумя домами, Калиновский принимал деятельное участие в усилиях всех зятей Иеремии Могилы, поддерживал их тестя и его сыновей. В этой борьбе погиб лютой смертью князь Самуил Корецкий, и почти в то же самое время Бог даровал Калиновскому сына, рожденного от сестры погибшего. В память шурина единственный сын и наследник гетмана наречен был Самуилом: имя, памятное страданиями из-за Волощины.

В то время, к которому относится настоящий рассказ, Самуил Калиновский был в цвете лет и скорее, нежели отец, имел право явиться в числе искателей девственной руки Розанды. Несомненно, что гетман охотно уступил бы свое место сыну в ряду соискателей валашских, но судьбе иначе было угодно. В то самое время, когда князь Януш Радзивилл искал руки старшей сестры Розанды, молодой Калиновский горячо полюбил дочь канцлера Оссолинского, на которой он женился спустя 14 месяцев после брака Радзивилла. Брак этот был образцом любви и супружеского счастья. Ничего другого не оставалось гетману, как благословить сына и пожелать ему счастья, а самому подумать о Волощине и завести сватовство с родителями Розанды.

Взявшись серьезно за это дело, старик гетман явился опасным соперником прочих искателей руки Розанды, но, увы, сам гетман очутился в более щекотливом положении, нежели его соперники. Чем более женихов являлось у дочери Лупулы, тем труднее становился выбор, и волею-неволею приходилось откладывать с решением со дня на день. Под переменчивым небом юго-восточных земель, в которых шла беспрерывная борьба

разных религиозных верований, народностей, нравов и умственного развития, не было ничего опаснее, как нерешительность и выжидание. Ежеминутно в этих порубежных степях среди враждебных стихий могла возникнуть от самых ничтожных причин буря, которая, направив свой полет в возлюбленную всем Волощину, грозила опрокинуть исподволь подготовленные планы и цели. В ожидании возможных гроз некогда было господарю медлить с решением вопроса о судьбе Розанды — время не ждало, и даже не подождало настолько, чтобы Розанда успела достигнуть девичьей зрелости. Прежде, нежели юная дочь Лупулы достигла тех лет и красоты, когда уже нельзя было отказывать искателям ее руки, ссылаясь на молодость невесты, берега Днепра и Днестра задрожали от такого ужаснейшего взрыва обычной тем краям бури, который послал господарской дочке новых сватов и искателей ее руки.

Казацкие сваты

Хотя царствовавшие в волощине господа не могли хвалиться особенною знатностью своих родов, при всем том на таких простых людей, как Тимошка, взирали свысока и не могли допустить и мысли породниться с ними. Розанда, привыкшая к почтительному вниманию Потоцких и Вишневецких, приходила в ужас при мысли выйти замуж за Чигиринского «паливоду», который опаливал бороды чернецам. Отец ее, господарь, отговаривался перед казацкими сватами, что дочь его находится под верховною властью Порты и без ее соизволения он не вправе распорядиться рукою дочери.

С неменьшим удивлением, как и в Яссах, принято было известие о сватовстве Тимошки при дворах тех польских панов, которые сами желали того же. Казацкая наглость привела в негодование особенно двух гетманов — Потоцкого и Калиновского: первого — как отца жениха Розанды, а второго потому, что тот сам для себя имел на нее виды. Благодаря значительным денежным суммам разных лиц, и в том числе самого господаря Лупулы, оба гетмана были освобождены из крымской неволи.

Пораженные известием о намерениях Хмельницкого относительно Волощины, оба гетмана выступили в поход, зорко следя за всеми его движениями. Но если трудно было сломить Хмельницкого силой оружия, то еще труднее было проникнуть во все его замыслы и устоять против тех порывов, которые возникали в этой горячей голове, упоенной счастьем. Отказ, который получил Хмельницкий от господаря, ни мало не озадачил его. Гетман, не медля, обратился к султану с просьбой руки Домны-Розанды для сына, а между тем готовился к походу на Волощину, но делал вид, что в союзе с татарами, согласно их желанию, готовится к войне с Москвою. Когда настало время вторгнуться в неприятельские владения, Хмельницкому удалось склонить татар в противоположную сторону и ударить на Волощину. Прежде чем был получен ответ из Царьграда от султана на сделанное предложение, настойчивый отец Тимошки решился возобновить сватовство в Яссах, подкрепив его вооруженною силою в несколько десятков тысяч орды и казаков. Счастье, которое до сих пор не оставляло нашего любимца, не изменило ему и в этом сумасбродном предприятии. К немалому удивлению господаря и польских гетманов, следивших за движениями Хмельницкого, в исходе 1650 г. разнеслась весть о внезапном вторжении татар и казаков в Волощину. Вместо прежних сватов, которые являлись к господарю с мирными предложениями и получили отказ, вторглось теперь во владение Лупулы 15 000 казаков под начальством Богдана Хмельницкого и 20 000 бусурман под начальством султана Нуреддина с угрозой разорить страну.

Поздно было уже усмирить вооруженных сватов добровольным изъявлением согласия на брак — союзники угрожали завладеть не только Розандою, но и свергнуть с престола ее отца. Захваченный врасплох, господарь Лупула мог вывести в поле всего только 6000 кое-как вооруженной милиции. С такими силами трудно устоять против такого грозного натиска. Господарь и весь двор его оставили столицу и искали обычного в Волощине в минуты опасности средства спасения, т. е. спасались бегством в леса.

Напрасно Лупула заявлял гетману через посольство, что Волощина — земля султана — и посягательство на его владения не пройдет безнаказанно. Напрасны были ожидания помощи со стороны Польши и еще менее можно было рассчитывать на помощь собственного народа. Оставалось схватиться за последнее средство добровольного согласия на все притязания неприятеля, дабы избежать кровавого принуждения, сопровождаемого тысячами новых разрушительных бедствий.

К казакам отправлен был посредник валашский с условиями мира. Лупула обязался выдать дочь за гетманского сына Тимошку и внести определенную сумму откупа с тем, чтобы казаки удалились из страны как можно скорее. Хмельницкий согласился на предложенные условия мира, требуя, чтобы они были приведены в исполнение как можно скорее. На последних переговорах при посредничестве двух поляков, состоявших на службе при дворе господаря, положили: спустя три месяца после заключения мира, т. е. сейчас после праздника Рождества Христова 1650 г., должно было совершиться бракосочетание княжны Розанды с гетманом Тимошкою. В обеспечение точного исполнения договора отданы были Хмельницкому в залог четверо знатнейших бояр валашских и в числе их родной племянник господаря Лупулы. Уплачены были казакам условленные суммы выкупа. В уважение сговорчивого господаря в принятии важнейших пунктов договора суммы выкупа были значительно ниже тех, которые даны были Крымской орде.

Юною Домну-Розанду, главную жертву свадебного договора, никто не спрашивал о согласии. Отец заключил договор помимо более приятных для нее искательств с других сторон, и ей представилась в самом мрачном свете вся тягость ее положения. Вопреки задушевным желанием Розанды, устремленным в Польшу, судьба навязывала ей вздорного супруга с Днепровского низовья, а с третьей стороны угрожала ей неволя в башнях Стамбула, как неизбежное следствие совершившихся событий. Единственным утешением посылало небо злополучной невесте возможность смягчить горечь ее сватовства с Тимошкою положительным требованием исполнения договора с казаками о том, чтобы жених явился на свадьбу в шляхетском уборе и в обществе лиц, указанных в договоре. Несомненно, что подобного рода условие возникло в кругу придворных дам, окружавших княгиню и ее дочь. Это были наивные желания, вполне соответствовавшие юным летам княжны и ее привычкам, но, увы, какой контраст, какую игру судьбы мы видим между этими желаниями и действительностью, полною трагизма!.. Итак, в договор была внесена особая статья, чтобы нареченный жених стал под венец в польской одежде и в обществе поляков.

«При такой обстановке должна совершиться эта свадьба, — писали в письмах из Львова. — Сын Хмельницкого должен явиться на свадьбу, окруженный польскою шляхтою, соблюдая наши обычаи и светские приличия, что ему исполнить не трудно, так как при нем находится много шляхтичей, которые поучат его светским приличиям».

При таких условиях мог Тимошка рассчитывать на более благосклонный прием со стороны невесты, и если б он сгладил шероховатость казацких нравов, валашская отроковица Домна-Розанда, бесспорно, встретила бы ни спосланную ей судьбу с светлою улыбкой. В числе многих несчастий, которые неразлучно сопровождали жизнь человеческую в этой местности, являлось и то неизбежное последствие, что здесь человек привыкал к постоянным переменам и сердце его, в особенности такое юное, как сердце Розанды, не усваивало себе твердых убеждений и привязанностей — оно становилось таким же изменчивым и прихотливым, как и самое небо этой страны.

Действительно, злополучная невеста Тимошки, увлеченная потоком превратностей судьбы, неволью обращалась чувством и поступками в разные стороны и попадала в омут самых скорбных испытаний.

С неумолимой быстротой бросала ее судьба во все стороны соседних с Волощиной краев, и эта казацкая свадебная буря унесла ее в Стамбул и засадила на время за решетку султанского дворца.

Самый отказ господаря Хмельницкому в просьбе руки Розанды для сына заставил гетмана возбуждать в Порте подозрение о тесной дружбе Лупула с Польшей. В настоящее время хотя Хмельницкий и заключил мир с господарем, но не считал нужным разуверить турок в их подозрениях о верности господаря. Примирение Хмельницкого с Лупулом не было искренне, и с обеих сторон ожидали только благоприятного случая к разрыву. Богдан знал это очень хорошо и всевозможными интригами старался поколебать авторитет Лупула в Царьграде, чтобы в случае нарушений условий договора можно было с помощью оружия достигнуть своих желаний.

Лупулу приходилось защищаться от двух врагов: с одной стороны — от происков Богдана, а с другой стороны — от «господарчиков». В минуты грозной опасности Польша оставалась единственным путем спасения для валашских господарей. К этой издавна дружественной Польше прибежал и теперь Лупул за советом, за помощью и на случай полного несчастья — за убежищем. В данное время Лупул более всего нуждался в вооруженной помощи ввиду ожидаемого вторжения со стороны Царьграда, и о ней-то господарь умолял Польшу. Сверх того господарь просил о даровании ему прав польского гражданства и предоставлении его семейства убежища в пределах гостеприимной польской земли, причем просил не отказать ему в совете, как впредь вести дела с Хмельницким, которому, несмотря на состоявшуюся помолвку, он готов отказать в руке дочери, если только поляки окажут ему помощь. Стечение разных обстоятельств значительно помогло полякам исполнить желание Лупула.

Итак, весьма скоро и неожиданно очутилась Розанда на польской земле. Она прибыла в Польшу, как все тогда предполагали, чтобы более никогда не покидать ее. Сам господарь, отец Розанды, положительно высказался перед поляками, что только силой можно заставить его исполнить договор, заключенный с Хмельницким. Поляки с своей стороны искренно желали, чтобы дело не дошло до такой крайности и рука Розанды досталась бы одному из польских ее искателей.

В этом случае все обстоятельства весьма счастливо сложились в пользу Потоцкого. Был он, как сказано, сродни князю Янушу Радзивиллу и нашел в нем сильного ходатая у княжен валашских, проживавших в его доме. Молодой староста каменецкий, как сын великого коронного гетмана, превосходил своих соперников если не взаимной к себе склонностью Розанды, то перевесом политических видов в глазах ее отца, ценившего равным образом рыцарскую помощь гетмана в случае нужды, как и его могущественный голос в королевском совете. Вот почему помимо некоторого влечения сердца Розанды к молодецкому князю Дмитрию Вишневецкому родители ее дали окончательное согласие на брак дочери с сыном великого коронного гетмана. Не только молва и все современные газеты распространили, как несомненную новость, что молодой староста каменецкий Петр Потоцкий становится зятем валашского господаря. По догадкам тогдашних вестовщиков расходились слухи, что поездка Розанды с матерью в Литву, в дом Радзивилла, была предпринята с той целью, чтобы в доме сестры и зятя тайно совершить помолвку и также тайно устроить свадьбу.

Легко понять негодование Хмельницкого, когда такие слухи достигли Чигирина. Мысль женить сына на дочери господаря делалась с этой минуты его непреодолимым желанием, вопросом оскорбленной чести и гордости, и для достижения своей цели Хмельницкий готов был на все жертвы, хотя бы пришлось вести войну со всей Польшей и Литвой. Он решился достигнуть во что бы то ни стало страстно излюбленного намерения, с достижением которого открывался, казалось, счастливый исход дальнейшим его предположениям. Стремясь к своей цели всевозможными путями, Хмельницкий готовился начать войну за Розанду с Волощиной и Польшей и решил готовить удар Лупулу в том месте, откуда всего больше грозила ему опасность, именно в Диване. Но Диван руководствовался в этом случае ему одному свойственными правилами политической мудрости. Две стороны боролись между собой, и султан сумел дать такого рода решение, которое не принесло пользы ни той, ни другой стороне. Общим удавалось радоваться взаимной неудаче, а пользу извлек один лишь верховный судья — палишах

И вот несчастная княжна Розанда с грустью оставила Польшу, с распротертым сердцем распрощалась с родителями в Яссах и, лишенная всякой отрады в жизни, очутилась в Царьграде узницей. Судьба ее казалась тем более печальной, что почти никому не была известна и с умыслом облакалась пеленой непроницаемой тайны. Всякий раз, когда который-нибудь из княжеских домов, подвластных Турции, постигала необходимость отдавать дочь в заложницы султану, первой заботой каждого было скрыть сколько возможно это насилие семье, так как оно было связано с самыми оскорбительными для чести заложницы подозрениями. Поэтому пребывание Розанды за решетками сераля оставалось в тайне перед светом, и этой неизвестностью действительно удалось на некоторое время отклонить от нее внимание людей.

Неизвестно в точности, как долго продолжался этот плен заложничества Розанды, и какие невзгоды пришлось там перетерпеть несчастной Домне, Клевета, однако, распустила вести, которые припоминались впоследствии княжне ее недоброжелателями, будто она, желая скорее получить свободу, искупила ее потерей своей чести.

Едва успела Розанда получить свободу и увидеть себя в кругу родных, как сын Богдана Хмельницкого, Тимошка, запорожский поклонник Розанды, не замедлил, на основании два года тому заключенного договора, затребовать вооруженной силой обещанную ему дочь господаря. Этот свадебный поход Тимошки сопровождался такой громкой известностью и совершился с таким пролитием крови и своей, и чужой, что стоит особого описания.

Когда Богдан Хмельницкий осенью 1650 года вынудил у господаря согласие на брак дочери с его сыном, решено было отпраздновать свадьбу сейчас после праздника Рождества Христова. С тех пор ни Богдан, ни сын его Тимошка не забывали ни на минуту срока валашской свадьбы; непреодолимые препятствия отодвинули желанный срок на многие месяцы. Всевозможные преграды желанию обоих Хмельницких ставили следующие польские вельможи: великий коронный гетман Потоцкий, отец первого нареченного Розанды, польский коронный гетман Калиновский, мечтавший сам попасть в женихи княжны, и, наконец, польный литовский гетман князь Януш Радзивилл, муж старшей дочери Лупула, принимавший близкое участие в судьбе всех членов семейства. Как только Хмельницкий в союзе с ордою задумывал отправить Тимошку по договору на валашскую свадьбу, тотчас коронные паны заступали ему дорогу, поднимали народ к отпору казакам и неверным и только после двух кровавых войн Тимошка достиг цели и обвенчался с Розандою в Яссах.

Таким образом, более нежели полтора года продолжался этот небывалый свадебный поход, устилая путь не цветным ковром, а огромными горами трупов, в числе которых многие пали не от меча, но погибли более лютой смертью. Пала жертвой этого кровавого свадебного времени и личность, близкая Богдану и его сыну, жена первого из них и мачеха второго, некогда жена подстаросты Чаплинского, беззаконно обвенчанная патриархом с гетманом Хмельницким; она погибла не от неприятельского меча, а была повешена по повелению мужа и пасынка.

В половине августа, спустя десять недель после кровавого Батыйского погрома, свадебная казацкая дружина приехала в обетованную валашскую землю. Подъехал и молодой жених с многочисленным и стройным поездом, но без польской компании и без польской обстановки, как уславливались два года тому назад. Свита, Тимошки состояла из отборного отряда всадников казаков, из множества родственных Хмельницкому дам и свашек казацких, следовавших за обозом на десятках повозок. Поезд заключался длинную вереницей телег и украинских маж*, нагруженных одеждой, подарками и множеством разного рода товаров.

Во главе этого торжественного шествия находились два лица как первые советники жениха и главные распорядители во время свадебного

*Великі вантажні вози, якими часто користувалися чумаки,

торжества; то были два знаменитые впоследствии казака — Иван Выговский, некогда польский шляхтич, и Тетеря, всегда верный союзник Польши.

Как Тимошка под их руководством вел себя во время свадебного торжества в Яссах, как вообще происходило это славное свадебное пиршество, все это описал очень подробно один из поляков, проживавший в то время при дворе господаря. Современный свидетель рассказом о прощании оканчивает описание свадьбы. Из других источников мы узнаем о двух резких и многозначительных для будущего похвальбах, которые во время пира сорвались с языка у молчаливого Тимошки. Однажды, когда господарь уговаривал его жить в мире с поляками, он, ударяя рукою по сабле, сказал: «Пока эта сабля у меня при бедре, не перестану истреблять ею ляхов». Другой раз зашла речь о соседнем княжестве Мультианском, которого князь Радул вел частые споры с Лупулом. Новобрачный произнес: «Я сумею с отцом устроить дело в Порте так, что мне отдана будет земля Мультианская».

Слова эти, подслушанные одною госпожою, присутствовавшею за столом, скоро дошли до Радула, и чуть было не привели Тимошку к гибели.

Свадебное торжество не принесло ничего существенного Хмельницкому, кроме заронившихся в его душу этих пагубных надежд. Личность Розанды никогда не была предметом его душевных влечений, и время очень скоро показало, что жизнь с женою стала для него невыносимою. Гораздо больше привлекало его богатое приданое Розанды, но и в этом отношении изменили ему слишком преувеличенные ожидания. Означенная выше сумма так мало соответствовала распространенным слухам о богатствах Лупула, что ее можно было считать разве временным задатком следующего приданого. Как бы то ни было, из настоящей бережливости господаря не вышло никакого ущерба для славы о его огромных богатствах и, несмотря на постигшие его несчастья в последние годы, все-таки богатства Лупула не переставали считать в баснословных цифрах — редкими у кого в то время миллионами, целыми бочонками золота, серебра и драгоценностей.

Однако при настоящем свадебном торжестве эти богатства не поражали глаз посетителей и как бы нарочно скрывались из опасения грабежа со стороны казаков. Все вообще свадебное пиршество было на вид очень обыкновенным, носило печать грусти и принужденности, особенно если сравнить со свадебным торжеством старшей дочери господаря с князем Янушем Радзивиллом, происходившим за семь лет перед этим. В мрачном виде является свадьба младшей сестры — Розанды. Вместо прежних послов и поздравлений от имени монархов господствовало совершенное отсутствие дипломатических светил; вместо прежнего отборного общества, сиявших золотом панов, княгинь и княжен толпилось теперь казачье полчище; вместо прежних хвалебных описаний торжеств, оставленных знатнейшими учеными, теперь самые грустные известия распространялись в дневниках о жизни новобрачных в первые минуты их медового месяца.

За неимением других источников о судьбе Розанды во время ее пребывания в Украине нам остается заглянуть во французские газеты за 1652 г. В них находим корреспонденцию из Варшавы от 15 ноября, следовательно, всего спустя два месяца после брака в Яссах. Корреспондент сообщает парижской публике: «Сын гетмана Хмельницкого Тимошка уже два раза бил свою жену, дочь господаря валашского, недавно с ним обвенчанную, упрекая ее в близости с визирем во время ее пребывания заложницей в серале и за то, что будто бы этим путем она хотела приобрести свободу; но отец Хмельницкого, который дорожил дружбою господаря, всеми силами старался склонить сына к лучшему обращению с женою».

Несмотря на эти заботы, печальная доля невестки Богдана Хмельницкого не улучшилась. Вскоре произошли события, которые не только Розанду, но весь род ее ввергнули в бездну несчастий. Вместе с ним погиб и Тимошка, виновник всех несчастий дома Лупула; а как Тимошка связан был с домом Лупула единственно через брак с Розандой, то последняя, безвинно испытал столько тяжелых ударов судьбы, носила в сердце еще и тот тяжелый упрек, что была главной виновницей страданий и гибели родного дома.

Окончательное падение дома Лупула открыло, наконец, тайну о накопленных у него богатствах, которые так долго волновали воображение современных поколений и привлекали в дом толпу искателей; желая получить из них долю в виде приданого.

Рассказом о судьбе дома и скопленных в нем богатств окончим нашу повесть о печальной судьбе дочери господаря валашского.

Смерть Тимошки сильнее поразила Сочаву, нежели Розанду. Год их супружеской жизни в Чигирине — год тяжелых обид и страданий — не мог расположить сердце Розанды к своему супругу. Вдовство возвратило ее под опеку матери, которая могла ли быть тяжелее опеки Тимошки? Но Со» чава лишилась всего со смертью молодого Хмельницкого; в казацких полках не было уже той готовности к дальнейшей защите города. Со смертью Тимошки для них не было никакой цели защищать город. Казаки, видимо, охладели в исполнении служебного долга, и слышались между ними толки, что пора прекратить бесполезную борьбу и покорить поляков. Каждую минуту Сочава могла остаться без защитников, а жена господаря со всем своим семейством и сокровищами очутиться во власти столь долго ею презираемых врагов.

При таком положении дел еще раз рука Розанды сделалась приманкою казакам. Эту сироту, всю жизнь обрекаемую на жертву во имя самых прихотливых предначертаний и планов, мать предложила предводителю казаков Федоровичу, если он будет продолжать защиту крепости. Вместе с рукою Розанды предназначались Федоровичу последние остатки господарских сокровищ, какие уцелели еще в подвалах крепости помимо их постоянной растраты. Мать готова была отдать юную свою дочь всякому казаку, который склонит своих товарищей продолжать защиту крепости в случае, если у Федоровича не хватило бы мужества приобрести предлагаемый дар. В сиротской судьбе Розанды брачный венец колол пуще терний: свадебный поезд жениха заливал землю потоками крови, а верховная власть султана обрекала на позор ее девичью честь — и чем же, наконец, материнская опека была лучше опеки врагов?

Но никакие соблазны не были в силах возбудить упавшего духа у казаков. Они остались верными замыслу поддаться полякам, а за ними последовала и остальная часть гарнизона. 9 октября 1653 г. подписан договор о сдаче Сочавы на имя короля польского новому господарю Волощины Стефану и его союзникам, князьям мультанскому и семиградскому. Казаки выговорили для себя условия свободного возвращения на Украину и не взяли с собою ничего, кроме тела погибшего Тимошки.

Господарша с вдовствующей Розандой и с остальными детьми отдана была на милость победителей, а сокровища Лупула пошли в раздел поровну между союзниками. На эти-то сокровища устремились теперь взоры людей, жадно выжидавших минуты, когда перед их глазами раскроются эти загадочные валашские багатства, из-за которых сваты Розанды добивались руки ее, добивались вооруженным вторжением в Волощину, пролитием крови под стенами Сочавы.

Но за столько жертв что же, наконец, досталось в руки победителей? Потому ли, что нечем было похвалиться перед людьми, а может быть, и ради желанья скрыть достоверность количества наживы, но победители — князя валашский, мультанский и семиградский — произвели дележ в величайшей тайне. Король польский Ян-Казимир находился вблизи павшей крепости. Он стоял под Каменцем во главе армии, направленной против Хмельницкого, но отказался принять участие в предложенном ему дележе сокровищ, захваченных в Сочаве. Второстепенные соучастники в этой победе не могли похвалиться богатством доставшейся доли добычи. Таким образом, тайна о количестве сокровищ Лупула не разоблачилась перед глазами людей и, как обыкновенно бывает, долгие и напряженные ожидания кончились полным разочарованием.

Как баснословные сокровища господаря, так и весь дом его — все пошло прахом. Посчастливилось было господарю, скрывавшемуся в Украине, заручиться помощью татар, с которыми он спешил на выручку к Сочаве, но

Окончательное падение дома Лупула открыло, наконец, тайну о накопленных у него богатствах, которые так долго волновали воображение современных поколений и привлекали в дом толпу искателей, желая получить из них долю в виде приданого.

Рассказом о судьбе дома и скопленных в нем богатств окончим нашу повесть о печальной судьбе дочери господаря валашского.

Смерть Тимошки сильнее поразила Сочаву, нежели Розанду. Год их супружеской жизни в Чигирине — год тяжелых обид и страданий — не мог расположить сердце Розанды к своему супругу, вдовство возвратило ее под опеку матери, которая могла ли быть тяжелее опеки Тимошки? Но Сочава лишилась всего со смертью молодого Хмельницкого; в казацких полках не было уже той готовности к дальнейшей защите города. Со смертью Тимошки для них не было никакой цели защищать город. Казаки, видимо, охладели в исполнении служебного долга, и слышались между ними толки, что пора прекратить бесполезную борьбу и покорить поляков. Каждую минуту Сочава могла остаться без защитников, а жена господаря со всем своим семейством и сокровищами очутиться во власти столь долго ею презираемых врагов.

При таком положении дел еще раз рука Розанды сделалась приманкою казакам. Эту сироту, всю жизнь обрекаемую на жертву во имя самых прихотливых предначертаний и планов, мать предложила предводителю казаков Федоровичу, если он будет продолжать защиту крепости. Вместе с рукою Розанды предназначались Федоровичу последние остатки господарских сокровищ, какие уцелели еще в подвалах крепости помимо их постоянной растраты. Мать готова была отдать юную свою дочь всякому казаку, который склонит своих товарищей продолжать защиту крепости в случае, если у Федоровича не хватило бы мужества приобрести предлагаемый дар. В сиротской судьбе Розанды брачный венец колол пуще терний: свадебный поезд жениха заливал землю потоками крови, а верховная власть султана обрекала на позор ее девичью честь — и чем же, наконец, материнская опека была лучше опеки врагов?

Но никакие соблазны не были в силах возбудить упавшего духа у казаков. Они остались верными замыслу поддаться полякам, а за ними последовала и остальная часть гарнизона. 9 октября 1653 г. подписан договор о сдаче Сочавы на имя короля польского новому господарю Волощины Стефану и его союзникам, князьям мультанскому и семиградскому. Казаки выговорили для себя условия свободного возвращения на Украину и не взяли с собою ничего, кроме тела погибшего Тимошки.

Господарша с вдовствующей Розандой и с остальными детьми отдана была на милость победителей, а сокровища Лупула пошли в раздел поровну между союзниками. На эти-то сокровища устремились теперь взоры людей, жадно выжидавших минуты, когда перед их глазами раскроются эти загадочные валашские богатства, из-за которых сваты Розанды добивались руки ее, добивались вооруженным вторжением в Волощину, пролитием крови под стенами Сочавы.

Но за столько жертв что же, наконец, досталось в руки победителей? Потому ли, что нечем было похвалиться перед людьми, а может быть, и ради желанья скрыть достоверность количества наживы, но победители — князя валашский, мультанский и семиградский — произвели дележ в величайшей тайне. Король польский Ян-Казимир находился вблизи павшей крепости. Он стоял под Каменцем во главе армии, направленной против Хмельницкого, но отказался принять участие в предложенном ему дележе сокровищ, захваченных в Сочаве. Второстепенные соучастники в этой победе не могли похвалиться богатством доставшейся доли добычи. Таким образом, тайна о количестве сокровищ Лупула не разоблачилась перед глазами людей и, как обыкновенно бывает, долгие и напряженные ожидания кончились полным разочарованием.

Как баснословные сокровища господаря, так и весь дом его — все пошло прахом. Посчастливилось было господарю, скрывавшемуся в Украине, заручиться помощью татар, с которыми он спешил на выручку к Сочаве, но

на пути достигла его весть о сдаче крепости. Это обстоятельство сейчас изменило к нему отношение союзных орд. Хан крымский приказал Василия, как уже ни на что негодного, заковать в кандалы и отправить в Стамбул. По примеру многих своих предшественников, занимавших некогда господарский престол, Василий Лупул был заточен на берегах Черного моря в крепости Эдыкул, откуда ему, как и подобным ему скитальцам, не было другого выхода, кроме смерти. С минуты заточения уже не было более никаких слухов о господре Лупуле: вернее всего, он по повелению султана был задушен в темнице.

Жена Лупула досталась в неволю князю семиградскому. Всем известна была ее ловкость, сила воли и связи в Стамбуле, все видели в ней опасную узницу, за которой следить нужно было бдительно и днем, и ночью. Она должна была поклясться на Евангелии, что не будет писать писем ни к мужу, ни к кому бы то ни было из родных, проживавших в Царьграде. Особенно строго воспрещено ей было входить в сношения с друзьями, проживавшими в оттоманской столице, под угрозой, что в противном случае малолетнему ее сыну, находившемуся у семиградского князя, будут отрезаны нос и уши. Ее отправили в Семиград, где она долго томилась в тяжелом заключении. Судьба ее мало-помалу вовсе перестала интересовать людей и наконец она была вовсе забыта в том мире. Не сохранилось ни одного предания, которое пролило бы свет на последние дни жизни матери **Розанды**.

Но дошла до нас несомненная и самая печальная весть о судьбе самой Розанды. Потеряв мужа и родителей, лишившись сокровищ и честного имени, пришлось этой несчастной женщине испытать одно из самых величайших несчастий — искать убежища в Украине у Богдана, отца Тимошки. Но гонимая и оттуда военными бурями, вернулась несчастная в Волощину, в какой-то уцелевший остаток из родительских поместий. Она возвратилась туда за тем, чтобы погибнуть самой лютой смертью. Едва успела она приютиться в родном домике, как стали кругом разноситься слухи, что часть из несметных сокровищ Лупула досталась Розанде, и она увезла их будто бы сначала в Сочаву, а потом зарыла в садике своего жилища. Этого слуха было достаточно для того, чтобы шайка негодяев поспешила покуситься на приобретение этой богатой добычи. Эта шайка разбойников напала на Розанду и, не добившись, где скрыты сокровища, мучительными истязаниями лишила ее жизни.

«Ради покоя и тишины вернувшись в Валашскую землю, — читаем в наивных и весьма часто сомнительных рассказах Самуила Велички, — Розанда жила как богатая и почтенная вдова, до дня своей кончины, которая неожиданно постигла ее от рук казацких бродяг. Оставив ремесло военных наемников в Волощине, на пути домой они узнали о проживавшей возле Розанде и, разбойнически ворвавшись в дом ее, забрали все находившееся на виду и стали посредством истязания и мучений допытываться о скрытых ею сокровищах. Но эта неустрашимая женщина отвечала казакам: «Лучше пусть сокровищами моими обладает бездушная земля, но не вы, враги мои, наделенные бессмертною душою» Произнеся эти слова, кончила жизнь Розанда, жена Тимошки.